

С. Климова¹**Достоевский и Витгенштейн:
“от оснований логики до сущности мира”**

Удачное сравнение освежает ум
Витгенштейн

Статья посвящена рассмотрению некоторых идей Витгенштейна в соотнесении с идеями Достоевского. Сопоставление дано по ряду ключевых для обеих тем: мир *как* он есть и *что* он есть; образ мира и смысл жизни; мир счастливого и несчастного. Несмотря на принципиальное различие, сравнение позволяет открыть в Витгенштейне близость ценностному мировоззрению Достоевского. Анализ его «Логико-философского трактата» и «Дневников» в сопоставлении с анализом художественных текстов русского писателя, помогает обнаружить те религиозно-духовные основания, которые оба и прячут, и обнажают для вдумчивого читателя за “границей и логикой мира”, о которой один предлагает молчать, а другой демонстрирует лишь через противоположную форму - ложное христианство. Сравнение позволяет увидеть, что для Витгенштейна осмысление мира как смысла жизни не так уж молчаливо, как он сам утверждает. В тоже время именно его язык описания позволил заново открыть теодицею Достоевского внутри рационального мира, зримо распинающего Христа, но молчаливо живущего Им.

Ключевые слова: Достоевский, Витгенштейн, факты, логика, молчание, трансцендентная этика.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>)

Введение

Л. Витгенштейн привычно связан с темой: *Витгенштейн-Толстой*. Некоторые исследователи² не исключают даже сознательного копирования Витгенштейном жизненных сюжетов из биографии Л.Н. Толстого: отказ от собственности (“финансовое самоубийство”), скромная судьба учителя в сельской школе, опрощение (“святая простота”) и т.д. Самое интересное, что эти же самые биографические черты иногда приписывают влиянию на него

¹ Климова Светлана Мушаиловна – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; e-mail: sklimova@hse.ru

² Davison R. M. Wittgenstein and Tolstoy // Wittgenstein and His Impact on Contemporary Thought / Ed. by E. Leinfellner and cet. Vienna: Hölder, Pichler, Tempsky, 1978. P. 50–53.

Ф.М. Достоевского; его личность связывают, как с образом Алёши Карамазова, так и Подпольного человека³.

При этом философская (логическая и этическая) составляющая темы: *Витгенштейн-Достоевский* исследована гораздо меньше⁴. У Витгенштейна имя Достоевского упоминается в «Дневниках 1914-1916 гг.»⁵. Витгенштейн был знаком с самыми важными его текстами – «Записками из Подполья» – прологом к знаменитому Пятикнижию русского писателя; очень ценил «Братьев Карамазовых».⁶ Его сестра Гермина в письме брату от 12.01.1916г. сообщает, что читает «Братьев Карамазовых», и эта книга все время напоминает ей о нем⁷. Любопытно, что издатель Витгенштейна Л. Фон Фикер так описывает свое первое впечатление о нем: «картина трогательного одиночества, на первый взгляд, напоминающая, к примеру, Алешу [Карамазова] или князя Мышкина»⁸. Таким образом, современники и исследователи удачно вписывают Витгенштейна со всеми его странностями в русскую культуру.

В книге французской ученой афганского происхождения Лейлы Раид «Подполье: Витгенштейн. Бахтин. Достоевский» 2017 года, мы встречаем, прежде всего, уникальный образ не Витгенштейна, но Достоевского-аналитического философа, что и становится главной точкой для их сближения в ее тексте. Ученую интересует лишь дискурсный срез проблемы: семантика форм письма “от первого лица” и их совпадений у Достоевского, Витгенштейна и Н. Бахтина.

Нам же важно указать на их близость, по существу, в целом. Как известно, Витгенштейн прочел «Братьев Карамазовых» и «Записки из Подполья» еще до начала Первой мировой войны. Следовательно, с Достоевским он познакомился даже несколько раньше, чем с любимым Толстым, чье «Краткое изложение Евангелия», “спасшее ему жизнь” во время

³ см. рецензию Фокина В. Три голоса из подполья: Витгенштейн, Бахтин, Достоевский (на кн.: Raïd L. Le Souterrain: Wittgenstein, Bakhtine, Dostoïevski. Paris, 2017) //НЛО, №2, 2020

⁴ Можно выделить статьи Федяевой Т.А. «Витгенштейн и Россия», в которой в обобщенном виде затрагивается данное сравнение//Подр. Федяева Т.А. Витгенштейн и Россия. СПб.: Дума, 2009; Казаков К.В. Воззрения Л. Витгенштейна и Ф.М. Достоевского: позиции корреляции // Парадигма: философско-культурологический альманах. №33, 2020. С. 120-129; незначительное упоминание имен Толстого и Достоевского в сопоставлении с Витгенштейном есть в работе Друри М. Разговоры с Витгенштейном / Пер. В. Руднева // Логос. 1999. № 1. С. 131—150; В.В. Руднев также коротко высказался на данную тему: Руднев В.П. Божественный Людвиг. Витгенштейн: Формы жизни. М.: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», 2002. С. 183—187.

⁵ Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916гг. М.: Канон. 2018. С. 126 (все ссылки на Дневники даны по данному изданию)

⁶ Он хорошо знал и другие произведения Достоевского: «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание». Гермина в письме от 24.04.1917 года Витгенштейну упоминает «Записки из Мертвого дома», которые он высоко ценил. «Преступление и наказание» был романом, благодаря которому Витгенштейн осваивал русский язык.

⁷ Витгенштейн Л. Дневники. С. 308.

⁸ Ficker L. von. Rilke und der unbekannte Freund // Der Brenner. 1954. № 18. P. 236//Цит. по: Pickford H.W. Thinking with Tolstoy and Wittgenstein. Northwestern University Press. Published 2016. P.4.

войны, он сделал своей настольной книгой. М. Друри в своих беседах с Витгенштейном упоминает ссылку последнего на Достоевского.

Люди, которые называют себя модернистами, самые большие обманщики. Я тебе скажу, что такое настоящий Модернизм: это когда в «Братьях Карамазовых» — старик-отец говорит, что монахи в ближайшем монастыре верят, что у дьяволов есть крючья, чтобы таскать людей в ад. «Вот», — говорит старик, — «никак не могу поверить в эти крючья». Это точно такая же ошибка, которую сделали модернисты, когда они не поняли природу символов⁹.

Обращение к модернизму здесь не случайно. Примерно в этот же период онзнакомился с работами Ницше и Шопенгауэра, которые, как нельзя лучше вписываются в мировоззренческую палитру Достоевского и Толстого. Можно предположить, что такие предпочтения Витгенштейна показывают, что ему интересна именно та модернистская картина мира, которую немецкие мыслители обнажили, а русские писатели пытались критически переосмыслить в своем творчестве. В этой полемике он нашел как основание для своей интерпретации логики мира и этики, так и нетривиальный способ «разговора о Боге» как сакрализованной (трансцендентной) области выразительного молчания.

Чем рациональнее становился мир, чем более прогрессивным казалось его цивилизационное развитие. Чем меньше места в языке и практике жизни оставалось добру, вере, Богу, всему тому, что принято называть высшими ценностями, тем важнее Витгенштейну было разобраться в данной коллизии. Русские писатели могли привлечь его по многим причинам. Однако, очевидно, что ищет он в них не аналитического и рационального. Их сближает интерес к аксиологии, этике и религии. «Как много позже утверждал Витгенштейн в беседе с одним из учеников, «в последнее время в Европе было лишь два писателя, которым действительно было что сказать о религии, — Толстой и Достоевский»¹⁰.

По утверждению Б. Рассела:

Толстому он предпочитает Достоевского (особенно «Братьев Карамазовых»). Он глубоко постиг мистический способ мысли и

⁹ Друри М. Разговоры с Витгенштейном / Пер. В. Руднева // Логос. 1999. № 1. С. 140.

¹⁰ Drury M. Conversations avec Ludvig Wittgenstein / Trad. par P.-J. Cometti. P.: PUF, 2002. P. 58. Цит. по Фокин В. Три голоса из подполья: Витгенштейн, Бахтин, Достоевский (Рец. на кн.: Raïd L. Le Souterrain: Wittgenstein, Bakhtine, Dostoïevski. Paris, 2017)//НЛО, №2, 2020

чувствования, однако думаю (с чем он не согласился бы), что более всего в мистицизме его привлекает то, что он отвлекает его от мышления¹¹.

Я думаю, что Рассел был прав в своей ремарке о несогласии – сказать, что мистицизм был чем-то вроде “комнаты отдыха” для Витгенштейна – тоже самое, что сказать, что, обозначив трансцендентное и мистическое как область молчания, он предал ее полному забвению/забыванию.

Может быть сопоставление его логики и мистицизма, слова и молчания, суждений о мире, субъекте и Боге с аналогичными идеями Достоевского, поможет нам в этом разобраться более конкретно.

Для писательского ума Достоевского (и не только) самое трудное разъединить то, что так легко разъединяется в логике или строгой науке: мир и себя, смысл и жизнь, идею и ее воплощение, эссенцию и экзистенцию человека. В этом смысле в Витгенштейне мы находим близкого русскому уму, мыслителя. Необходимо учитывать, что последний открывает для себя Достоевского и Толстого в период тяжелейшего мирового и личного кризиса: *до и в начале* Первой мировой войны, в которой он принял добровольное участие. Война – это величайший сейсмограф в испытании мира и человека, того, что есть мир и человек в момент истинного самообнажения. Мир в этот момент обесценен максимально; в нем не работают законы и правила жизни, так как они работали в мирное время. В этом плане – война – это место, где бытие и сознание человека наиболее наглядны - обозримы. Война («Дневники 1914-1916», «Тайные Дневники 1914-1916») обнажает для нас область жизненных переживаний Витгенштейна и его мысли, направленные на самопознание и самоуспокоение.

Анализ его ранних «Дневников» и «Логико-философского трактата»¹² (ЛФТ) в сопоставлении с анализом идей Достоевского, представленных в двух указанных выше произведениях, поможет лучше понять обоих и те религиозно-духовные основания, которые они и прячут, и обнажают для вдумчивого читателя за “границей мира”, переступить которую невозможно (по Витгенштейну) или очень опасно (по Достоевскому).

«Мистическое – не то, как мир есть, но то, что он есть»

Попробуем обнаружить связь между идеями Достоевского и Витгенштейна, выделив ряд тем, близких обоим.

¹¹ Wittgenstein L. Correspondance philosophique / Réunion et traduite par É. Rigal. P.: Gallimard, 2015. P. 92. Цит. по Фокин В. Три голоса из подполья: Витгенштейн, Бахтин, Достоевский...

¹² Витгенштейн Л., Логико-философский трактат / Витгенштейн. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Все ссылки в тексте по этому изданию в тексте, в круглых скобках ЛФТ и номер теоремы.

Первая из них: *Мир, его структура и сущность*. Обоих мыслителей, каждого по-своему, но интересует мир¹³, его структура, смысл и значение и т.д. Для обоих важнейшим критерием понимания становится размышления о том, что мир отделился от человека, его воспринимающего и в нем живущего. Обоим ясно, что это отличие не физическое (физически мир не представим), а метафизическое или трансцендентное.

Сравним логику их идей. Первое, что их очевидно сближает – осознание ценностной нейтральности мира (Витгенштейн) или его рациональной обесцененности (Достоевский). Речь идет о превращении мира в языковую или логическую конструкцию, вполне устойчивую для нейтрально развивающейся в рамках этого мира жизни людей.

Витгенштейн формулирует это предельно философски. «Мистическое – не то, *как* мир есть, а *что* он есть» (ЛФТ 6.44). *Как* мир есть хорошо знает наука. Витгенштейн же показывает нам возможность такого *как*. Мир – это все, что происходит; это совокупность фактов, событий и т.д. которые даны нам в осмысленных предложениях, в соответствии с логической формой языка, в которую они упакованы. *Как* существует мир ограничено моим мышлением, моим языком, моим “полем зрения”, которые подсказывают мне все основы восприятия и объяснения. Мир “распадается на факты” (ЛФТ 1.2); «Исследование логики означает исследование всего закономерного. Вне логики все случайно» (ЛФТ 6.3). «Перед законами природы останавливаются как перед чем-то неприкосновенным – перед судьбой или Богом» (ЛФТ 6.372). В этом мире невозможно говорить о ценностях, добре и зле, но это не значит, что следует отказаться от поиска смысла жизни и т.д. То, *что* есть мир, то, *что* составляет его ценность как целого и того, *что* в нем происходит не описывается на языке фактов. О ценностях лучше просто молчать. «Этика трансцендентна»¹⁴ (См. 6.421).

У Достоевского наиболее выпукло тема, структурированного по законам необходимости мира фактов и событий, зазвучала в «Записках из Подполья». Именно там мы услышали о ненавистной ему формуле “дважды два четыре”, которая перетекает у него из произведения в произведение, и символизирует собой ненавистный мир *как*, организованный по бесчеловечным по неотвратимости законам логики (синоним всех естественных наук для него) или природной необходимости. Этот мир упирается в факты-стену, которым *нормальный человек* поклоняется как “судьбе”; закономерность здесь является “Богом” нормального – рационального человека. Кажется, что Витгенштейн цитирует Подпольного, утверждая: «В основе всего мировоззрения

¹³ В своих публицистических размышлениях о мире, отраженных в «Пятикнижии», Достоевский во многом опирается на идеи и книгу «Мир как целое» философа Н.Н. Страхова, которому он обязан многими философскими открытиями//Подр.: Орвин Д. «Мир как целое» Страхова: недостающее звено между Достоевским и Толстым/Страхов Н.Н.:pro et contra. Антология. СПб: РХГА, 2020. С.614-633

¹⁴ Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916гг. М.: Канон. 2018. С.133

современности лежит иллюзия, будто бы так называемые законы природы суть объяснение природных явлений (ЛФТ 6.371)».¹⁵

Герой «Записок» называет эту иллюзию “стеной” или верой в универсальность формулы “дважды два четыре”.

Невозможность – значит каменная стена? Какая каменная стена? Ну, разумеется, законы природы, выводы естественных наук, математика. Уж как докажут тебе, например, что от обезьяны произошел, так уж и нечего морщиться, принимай, как есть. ... потому что дважды два – математика. Попробуйте возразить [5, с.105]¹⁶.

Фактически об этом же пишет Витгенштейн:

И то обстоятельство, что предложения математики могут доказываться, означает не что иное, как их правильность можно усмотреть, не сравнивая то, что они выражают, с фактами относительно их правильности» (ЛФТ 6.2321).

Все дело в том, что «Предложение математики не выражает никакой мысли» (ЛФТ 6.21) и человек может использовать знание даже для того, чтобы доказать, что... «и дважды два пять – премилая иногда вещица» [5, с. 119].

Человек, по Достоевскому, связан не только с логикой и фактами, но и с *волеием, желанием, хотениями, иррациональными порывами*. Наличие в нем воли и свободного ее излияния, вопреки логике и фактам, делает доказательным определение мира не только структурно – *как*, но и трансцендентно – *что*. Это важнейшее волевое начало в человеке определяет весь смысл его жизни.

Что же делать с миллионами фактов, свидетельствующих о том, что как люди зазнамо, то есть вполне понимая свои настоящие выгоды, отставляли их на второй план и бросались на другую дорогу, на риск, на авось, никем и ничем не принуждаемые к тому, а как будто только не желая указанной дороги... Ведь, значит, им действительно это упрямство и своеволие было приятнее всякой выгоды [5, с. 110].

Возражение стало возможно потому, что мир – не только *как*, но и *что* – то есть имеет некое *мистическое* основание. Эта мысль присуща и Достоевскому, и Витгенштейну. Витгенштейн констатирует мистичность Бога, объявляя молчание границей между невыразимой сущностью Бога и логически оформленным миром-человеком. Об этом же рассуждает Иван Карамазов:

¹⁵ Там же. С. 124.

¹⁶ Достоевский Ф.М. Записки из Подполья. Собр. Соч. в 30-ти т. Л.: 1972-1990, т.5. Далее все ссылки на Достоевского по этому изданию: в квадратных скобках том и страница.

...у меня ум эвклидовский, земной, а потому, где нам решать, что не от мира сего. Да и тебе советую об этом никогда не думать, друг Алеша, а пуще всего насчет Бога: есть ли он или нет? Всё это вопросы не свойственные уму, созданному с понятием лишь о трех измерениях [14. с.214].

При всей схожести Достоевский подходит к вопросу *что и как* принципиально «с другого конца» [14. с.213]. Он, как будто ведет разговор с той стороны границы, за которую Витгенштейн предлагал не заходить и лишь помалкивать. У Достоевского то, *что* Бог есть - не подвергается сомнению, даже таким рациональным героем, как Иван Карамазов. А вот *как Он* есть в мире – уже загадка из области трансцендентного. Загадочна не “онтология” Бога, а сверхрациональная способность жалкого ума человека ее помыслить:

И не то странно, не то было бы дивно, *что* Бог в самом деле существует, но то дивно, что такая мысль – *мысль о необходимости Бога* – могла залезть в голову такому дикому и злому животному, *как* человек, до того она свята, до того она трогательна, до того премудра и до того она делает честь человеку. [14. с. 214].

Фактически эта мысль есть зеркальное отражение теоремы 6.44 Витгенштейна. «Теорема» от Ивана Карамазова могла бы звучать так: «Мистично – не то, *что* есть Бог, а *как* существует мир нейтральных фактов». То есть, что Бог есть - несомненно, но как существует мир, Им созданный — это Ивану непонятно. Это не объясняет и Витгенштейн. Он предпочитает вообще не рассуждать об этом парадоксе. Он лишь фиксирует его.

Герой Достоевского делает внешне похожую на витгенштейновскую операцию: он разрывает Бога и Мир в своем описании. Далее, он предпочитает бунтовать против Творения, которое не желает ни говорить, ни обдумывать, не переживать наличие своего Творца. *Как* существует мир вне ценностной/базисной своей основы, с одной только наукой и языковой логикой – это и утверждается, и отвергается Иваном Карамазовым. Он очень наглядно показывает в своей беседе с Алёшей (Главы “Бунт” и “Великий Инквизитор”) *как* устроен этот мир, каковы законы мироздания, *как* ловко человек доказывает, что “дважды два четыре” и поэтому он (человек) - ни в чем не виноват, а лишь таковы объективные обстоятельства, толкнувшие его, например, к преступлению. Достоевский напрямую выводит нашу мысль о дьявольском первоисточнике такого рационального устройства мира, вложив логические аргументы в уста черта. Болтливый черт приходит на смену вечно молчащему Христу и в ловушке своей языковой сетки обезбоживает картину мира, которая, как известно, вовсе не отображается в языке, а только

показывается¹⁷. Христос Достоевского молчит не от немоты, а от бессмысленности самого акта говорения. Громкое молчание Христа в романе становится ярчайшей иллюстрацией схождения области трансцендентного у Достоевского и Витгенштейна. Христос Достоевского разрушает “вербальную решетку”, целуя Инквизитора, тактильным образом, преодолевая рациональную границу, установленную миром. Об этом у Витгенштейна: «...никакое описание не окажется способным выразить то, что я подразумеваю под абсолютной ценностью»¹⁸.

Какая картина показывается нам Достоевским через его героев? Картина девальвации христианских ценностей, выхолащивание (потеря) смыслов через пустые слова для их обозначения. Люди, которые называют себя христианами, ходят в церковь, молятся Богу, зовут Его себе на помощь - давным-давно уже не с Ним, а с тем, кто умеет лишь хорошо о нем говорить и успокаивать нашу нечистую совесть словами, фактами и аргументами этого мира. Мир фактов наглядно обнажает картину обесцененности веры в мире людей и отсутствия в ней главного – верующего в Бога человека. Но это не означает отсутствие Бога как высшего смысла. Достоевский показывает лишь негодность языка и поведения людей, говорящих о Нем и прикрывающих Им мир фактов. На языке Витгенштейна это можно было бы назвать тривиализацией смысла этики (веры) в мире – в процессе ее вербализации. Преодоление, по нему, возможно или невозможно лишь в преодолении естественного значения слов и выхода к сверхъестественной этике.

Мое основное стремление, да и стремление всех, кто когда-либо пытался писать и говорить об этике и религии – врываться за пределы языка. Этот прорыв сквозь решетку нашей клетки абсолютно безнадежен... ибо само словесное выражение подобного опыта есть бессмыслица¹⁹.

Именно здесь пролегает граница, разделяющая мир (как) и его смысл (что).

Образ мира и смысл жизни

Вторая тема, сближающая наших героев: образ мира и смысл жизни.

Образ и факт существуют в одном и том же логическом пространстве. Забегая вперед, замечу, что это и является главным условием того, что образ функционирует как образ факта.

¹⁷ «Если добрая и злая воля имеют влияние на мир, то оно может распространяться лишь на границы этого мира, а не на факты, не на то, что может быть **отображено** посредством языка, но лишь на то, что может быть показано в языке» (Ср. 6.374)// Витгенштейн Л. Дневники. С. 126

¹⁸ Витгенштейн Л. Лекция по этике// Витгенштейн Л. Дневники. С. 344

¹⁹ Там же. С.339

Образ есть модель реальности (ЛФТ 2.12). Мы можем даже представлять себе реальные трехмерные модели ситуаций, и такое представление весьма удобно для понимания витгенштейновских рассуждений об образе.²⁰

Витгенштейн, отсылая человека к фактам мира и образам, как к их моделям, в тоже время отсылает его и к некоей нефактичной действительности, не совпадающей с фактами-образами мира: «Мы чувствуем, что, если бы и существовал ответ на все возможные научные вопросы, проблемы жизни не были бы при этом даже затронуты» (ЛФТ 6.52). Он выражает главное: вера в Бога, в мистические смыслы, не открываемые в мире непосредственно, не проговариваемые на конкретном языке, не оправдывает существования мира фактов в том индифферентном в ценностном отношении виде, в котором мы с ними сталкиваемся. То есть, если и не надо болтать о Боге, это не значит, что надо дать фактам его уничтожить или заболтать. С. Данько проводит четкую демаркацию между тривиальным и этическим смыслом ценностных выражений у Витгенштейна. Исследовательница верно замечает:

на фоне выхолощенной структуры тривиальных оценок начинают проявлять себя элементы необъяснимого ценностного отношения к происходящему. Конечно, нельзя пока исключить, что они имеют все же неявную тривиальную основу, но, по крайней мере, становится яснее, где следует искать этические смыслы, если они существуют²¹.

Даже если Витгенштейн ничего не говорит об этих “этических смыслах ценностных выражений”, он неявно их подразумевает при характеристике любых фактов, описываемых в языке и с помощью аналогий и сравнений. Факты, которые ведут нас к пониманию их относительной ценности как факта, могут быть названы нейтральными. Например, высказывание: «Этот человек - хороший бегун» - нейтрально, при том, что здесь используется этически заряженное прилагательное “хороший”²². Сознание человека, с его точки зрения, описывая факт любого содержания, этически нейтрально. Следовательно, оно должно быть безоценочным, передавая семантическую, а не ценностную характеристику описываемому.

Если, к примеру, мы в нашей книге-о-мире найдем описание убийства, содержащее все физические и психологические подробности, то само

²⁰ Сокулер З.А. Лекции по философии Витгенштейна// <https://www.hse.ru/data/281/347/1234.pdf>. С. 41

²¹ Данько С.В. Парадоксы «Лекции об этике» Л. Витгенштейна// Вопросы философии, 2018, №9. С.187

²² Витгенштейн Л. Лекция по этике// Там же. С.336

описание этих фактов не будет содержать ничего, что мы могли бы назвать *этическим* предложением...знакомство с этим описанием способно вызвать у нас сострадание, гнев и любую другую эмоцию... Но все это будут лишь факты, факты, а не этика.²³

Витгенштейн уподобляет наши слова сосудам, способным “передавать значение и смысл”. При этом форма-сосуд-слово не несет ответственности за его содержание.

Этика – это совершенно другое основание мира и человека. Она не поддается никакому выражению, эмоциям и никакой “болтовне”. В этом смысле она не только сверхъестественна, она, по сути, у Витгенштейна становится метафорой Бога и вербальным намеком на заповедную сферу молчания или чуда.

То, что Витгенштейн отказывается рассуждать об абсолютных ценностях очень похоже с тем, что делает Достоевский, демонстрируя всю обесцененность подобного рода рассуждений о высших смыслах в своих романах. Для Витгенштейна Бог - ценность превосходной степени, о которой можно только молчать, дабы не оказаться в роли тех псевдо-христиан, которых постоянно показывает нам Достоевский. Молчание здесь не синоним обнуления, а синоним высшей степени сакрализации, которую мы обнаруживаем в непроговаривании имени Бога, например, в иудаизме или ненужности использования слов в исихазме.

Именно такой подход поможет нам прочесть Достоевского, найти высшую религиозную этику внутри фактов мира, описанных им. Все помнят ряд страшных примеров из рассказов Ивана Карамазова брату Алеше о страданиях безгрешных детей. Ему явно претит мир фактов, которые принимаются обществом в своей голой фактичности как данность. Люди могут быть возмущены, расстроены, но это все будут “факты, факты”, а не этика. Иван словесно бунтует против фактов насилия в этом мире, против страданий детей, против безмолвного потворства общества издевательской логике родителей, бесчеловечно наказывающих их за малейшие провинности. Мир для него – не мир фактов, но мир страдания: несправедливости, злобы; мир “плохой” и требуется взорвать факты – сделать революцию/бунт ради справедливости. Понятно, что хороший/плохой мир – из разряда тривиальных фактов Витгенштейна. Бунт Ивана – это тоже факт мира, а не этика, в смысле высшей ценности. На факт одного насилия (над детьми) он предлагает поставить другое (над родителями), и т.д. маятниковая логика преступления рождает логику наказания и обратно. На его возмущение Витгенштейн как бы говорит: «Никакое положение дел не обладает само по себе тем, что я хотел

²³ Там же. С.337

бы назвать принудительной силой абсолютного судьи»²⁴. Иван претендует на роль “абсолютного судьи”- Бога, но в этот момент самообмана он и становится жертвой черта – логики, языка и фактов мира.

Необходимо понять не свою логику, но высшую, понять, что «постижение тайны жизни в пространстве и времени лежит вне пространства и времени» (ЛФТ 6.4312). Другими словами, понять факты страдания детей не как детонатор бунта, а как этическую (религиозную) ценность возможно лишь, говоря словами Витгенштейна,

если я смогу описать факт с помощью некоторого сравнения, то я также могу быть способен отбросить данное сравнение и описать факт без него. Но в нашем случае, как только мы попытаемся отбросить сравнение и прямо утверждать стоящие за ним факт, то обнаружим, что таких фактов нет. И то, что вначале казалось сравнением, теперь просто окажется бессмыслицей²⁵.

Эта парадоксальная формула выглядит прямым ответом на полемику Ивана и Алёши. Иван “отбросил” сравнение детских страданий с Христовыми и остался при голом факте бунта. Алеша показал, что если отбросить сравнение с Высшим, то описываемые факты страданий детей окажутся лишь результатом головных переживаний Ивана. Его рассказы о детских страданиях, несмотря на всю их убедительность, есть лишь продукт его красноречия, демонстрируя нам весьма суженное поле зрения мира рассказчика. Мир Ивана ограничен лишь его воспаленным сознанием-воображением. Это не значит, что дети не страдают в мире, это лишь значит, что никаких реальных детей в его поле зрения попросту нет. Он занят лишь воображаемым миром описываемых фактов, ограниченным его языковой картиной.

Но вот рядом расположен другой рассказ с тем же участником – Алешей, которому теперь, также цинично-откровенно изливается юная девушка-чертёнок – Лиза Хохлакова. Сначала она рассказывает ему антисемитскую байку о том, как жида ритуально распяли младенчика, обрезав при этом пальчики на руках, и что об этом *в одной книге написали*. Ясно, что написанное в книге – это самое большое доказательство “фактичности” описываемого. А потом вдруг признается, что ей иногда, кажется, «что это я сама распяла. Он висит и стонет, а я сяду напротив него и буду *ананасовый компот (курсив мой – С.К.)* есть» [15, с.24]. Если Иван отвергает абсолютную ценность в логике земных фактов и относительных ценностей, то Лиза, наоборот, смотрит на высшую ценность (через сравнение с образом распятого ребенка), как на нечто ценностное нейтральное, как на факт этого мира и, почти по Витгенштейну,

²⁴ Там же. С.338

²⁵ Там же. С.342

демонстрирует свое состояние сознания в этическом смысле, как нейтральное. Никакие факты и события в мире не отменяют ее ананасовый компот. «Миру провалиться, а мне чаю попить», как любили выражаться герои Достоевского. При этом ее цинизм – есть одновременно и неявная попытка прорвать нейтральность факта и показать пределы, описываемого на этом языке, мира. Цинизм замешан на страшной муке и страдании о Боге. Она молчит о главном, о том основании, которое одно, без слов способно поколебать и даже уничтожить весь логический и тривиальный мир этих фактов, которые она так позерски созерцает. Этим основанием является акт распятия Христа, который делает каждого причастным, как к его божественной, так и его человеческой ипостасям. Слова Лизы означают не только мир человека, который располагается на границе мира (бого/человеческого), но и способен ее преодолеть в самом себе.

Кажется, что Достоевский говорит нам этими примерами следующее: вы не можете понять *как мир устроен*, то есть оценить логику поступка, пока вы не *поймете* (или не прочувствуете) идею мира, то есть то, *что* лежит в основании этого странного евклидова устройства, не поймете, что же *на самом деле* удерживает вас в согласии с ужасным миром несправедливости или цинизма. Как показал Витгенштейн именно-то эти высшие смыслы и не схватываются в рационализме или логическом объяснении фактов мира. Именно о них молчат герои Достоевского. «С точки зрения Высшего совершенно безразлично, как обстоят дела в мире. Бог не обнаруживается в мире» (ЛФТ 6.432).

Как ни странно, но именно Витгенштейн помогает нам посмотреть на эти страшные описания фактов мира не только как на тривиальные или относительные, но и как на абсолютные смыслы.

Что я знаю о Боге и о цели жизни? Я знаю, что этот мир есть... что ему присуще нечто проблематичное – то, что мы называем его смыслом. Что этот смысл лежит не в нем, но вне его (ср.6.41).²⁶

Этот-то смысл, который определяет все – меня, мою жизнь, факты мира – и есть, по Витгенштейну «Бог» или смысл жизни.²⁷

«Мир счастливого отличен от мира несчастного»

Третья тема сближения двух мыслителей – мир счастливого и несчастного человека. Тема счастья в рецепции Достоевского тесно связана с реакцией на европейский утилитаризм и неприятием теории разумного

²⁶ Витгенштейн Л. Дневники. С. 125

²⁷ Там же. С.125

эгоизма Н.Г. Чернышевского. Ни Достоевский, ни Витгенштейн не видят в тривиальном/утилитарном того, что может действительно максимально расширить мир человека – обеспечить ему смысл жизни. Такое счастье, для Достоевского – еще более страшно, чем несчастье, если возвести его в главный принцип существования. Все помнят, что именно о счастье всех печется Великий Инквизитор, отрекаясь на этом основании от Христа: «все будут счастливы и не будут более бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе твоей повсеместно» [т.14 с.235]. Казалось бы, Витгенштейн не возражает против всем очевидного стремления человека к счастью. Но это, всем понятное, одновременно вызывает и неожиданные вопросы:

Почему я должен жить именно *счастливо*, то это само по себе кажется мне тавтологической постановкой вопроса... Какова объективная отличительная черта счастливой гармоничной жизни? Здесь вновь становится ясно, что не существует такой черты, которая могла быть *описана*²⁸.

То есть размышления о счастливом и несчастном человеке являются вариацией проблемы смысла жизни у обоих мыслителей. Смысл открывается жизнью, отмечает Витгенштейн, а жизнь целиком зависит от человека, ее проживающего, его видения мира и его оценки. Поэтому мир для счастливого и несчастного совершенно разный. И связано это не с тем, что счастливый вознагражден внешними благами за свои поступки, а несчастный лишен всяческих наград, то есть счастье не сводится к утилитарным или прагматическим установкам. Счастливый человек тот, кто самим действием – то всей своей жизнью – способен радоваться ей, принять ее, любить ее и понимать, что жизнь сама по себе – “этическое вознаграждение”²⁹.

Это состояние Алеша Карамазов назвал «полюбить жизнь прежде логики. И только тогда я и смысл пойму» [14, с. 210]. «Жить хочется, и я живу, хотя бы и вопреки логике... тут не ум, не логика, тут нутром любишь, первые молодые силы свои любишь» [Там же, с.209-210]. Сама жизнь есть награда и тот, кто именно так ее воспринимает и проживает, хотя и беден, и страдает, и живет с болью о других, но он очень счастлив, в этом страдании способен обрести подлинное бытие.

... и в этом, пожалуй, прав Достоевский, когда говорит, что тот, кто счастлив, выполняет цель бытия...кому помимо жизни не нужна больше никакая цель...Решение проблемы жизни замечают по исчезновению этой проблемы [См. 6.521.].³⁰

²⁸ Там же. С.133

²⁹ Там же. С.132

³⁰ Там же. С.126

К сожалению, счастливых людей у Достоевского чрезвычайно мало, хотя именно через них и собираются в единое целое его достаточно мозаичные сюжеты. В основном, сплошь несчастны головные герои Достоевского: «...слишком сознавать – это болезнь, настоящая, полная болезнь»; «не только очень много сознания, но и всякое сознание болезнь» [5, 101-102]. Они “люди из бумажки” из “реторты”. Они лишены той *живой жизни*, тех смыслов, которые доступны таким разным героям, как Алеша или Митя Карамазовы. Несчастье его умственных героев – в их безжизненности или отсутствии того, что Витгенштейн назвал “способностью желать”. «В некотором смысле это кажется невозможным. Но если бы это было возможно, то был бы возможен и мир без этики».³¹ Их мир сужен до точки их же, поглощающего самого себя, мышления; граница их мира сужена до пол/подполья, в котором они прячутся и более которого ничто не попадает в их поле зрения. Живя в вымышленном головном мире своих идей и фантазий, они глубоко несчастны, они - фантом человека, лишь его *умственное Я*, почти такое же невозможное, как существование декартовского мыслящего субъекта у Витгенштейна.

Мир сужен для таких героев до точки мышления не в силу его непонятности, а в силу его бессмысленности. А отсутствие смысла связано с тем, что герои как бы не присутствуют в этом мире, они ему посторонние. Но именно это делает их творцами какого угодно мира в своей голове, а потом и... вне себя. Это делает их абсолютно свободными, позволяет брать на себя, как функции судьбы мира (Иван Карамазов), так и функции его подсудимого (Подпольный). Все происходит в голове, идейно, “играючи”, а результатом становится уничтожение границ чуждого мне мира – сумасшествие, убийство или самоубийство. Витгенштейн почти словами Кириллова (героя «Бесов») декларирует эту ж истину: «Если самоубийство дозволено, тогда все дозволено»³².

Однако, и для Достоевского, и для Витгенштейна ясна ложность этой формулы уничтожения мира мыслящим-страдающим Я. Когда субъект сужается до точки в своем несчастном умственном состоянии, реальность, однако, не перестаёт существовать. «Человек – граница мира», — это и означает, что он имеет перед собой мир, который реально есть и он настоящий. Когда реабилитируется мир счастливого человека, то и смыслы, и абсолютные ценности реабилитируются автоматически. По большому счету, то, что Достоевским называет истинным – Христовым миром и ложным – миром слов и логики, Витгенштейн называет миром счастливого и несчастного. Счастлив тот, кто зрит Бога Живого сквозь все несовершенства и подлости мира (например, Лев Николаевич Мышкин «Идиот»), несчастен тот, кто призывает уничтожить мир, созданный им же самим, по лекалам дьявольского всеразрушающего ума (например, Николай Ставрогин «Бесы», итогом жизни

³¹ Там же. С.130

³² Там же. С.148

которого становится самоубийство). Для Витгенштейна это означает способность для мира счастливого «увеличиться», а для несчастного «уменьшаться как целое. Как при соединении или утрате того или иного смысла [Ср.6.43]». ³³

Выводы

Для наших героев важны абсолютные ценности/смыслы и та сакральная область, которую они оба предпочитают не вербализовать. Для обоих очевидно, что надо показать трансцендентное основание, лежащее за рациональной и ограниченной языковой картиной миром. Таким основанием для обоих являются этические «суждения об абсолютной ценности». «Этика же, если такова возможна, сверхъестественна, в то время как слова могут выражать лишь факты». ³⁴ Для того, чтобы жизнь перестала быть «проблемой», необходимо «чтобы человек жил в вечности»: ³⁵ В дискурсе Достоевского это означает *жизнь в Боге*: очень понятная формула для подлинного, а не мнимого христианина. Сначала надо узреть Бога Живого, а это возможно лишь тогда, когда мы перестанем о нем болтать, замолчим и начнем напряженно вслушиваться в Иное, чтобы услышать голос Единственного. Жизнь в Боге – то есть следование Ему в своём деле жизни - снимает дилемму мира и Бога, слова и молчания, наполняя счастьем человека, не во времени, а здесь и сейчас – в настоящем, в мире, совпадающим для него с вечностью, а не с фактами. Самое поразительное, что в этот миг Бог также перестаёт быть Одиноким, Непонятным, Ненужным и Осмеянным в этом царстве логики и слов, опутывающих нас своей сетью. Молчание становится важнейшим условием и основанием для сближения человека с Ним.

Философия может лишь показать место Бога в нашем понимании жизни, но сказать об этом, ни она, ни мы не в состоянии.

Этика и метафизика “бессмысленны” не потому, что превратно выражают или вообще не выражают обыденную или научную картину мира, а потому, что вектор философского интереса изначально упирается туда, где, по Витгенштейну, находится “слепое пятно” для рационального мышления. Все, что силится сказать этика или метафизика, изначально имеет неэмпирический характер и именно поэтому философские предложения “бессмысленны”: “бессмысленность является самой их сущностью”. ³⁶

³³ Там же. С.126

³⁴ Витгенштейн Л. Лекция по этике// Там же. С.336

³⁵ Там же. С.127

³⁶ Данько С.В. Парадоксы «Лекции об этике» Л. Витгенштейна//Вопросы философии, 2018, №9. С. 193

В этот момент философия должна уступить место той области, которая максимально приближает нас к смыслу жизни или абсолютной ценности.

Таким образом, благодаря сопоставлению с Достоевским, мы узнаем, что для Витгенштейна осмысление мира в религиозных категориях не так уж молчаливо, как обычно декларируется. В тоже время именно его язык позволил нам за фактами мира и желанием бунта обнаружить у Достоевского христианскую – мистическую или этическую – первооснову, не только религиозно-декларативно, но и логически понять и принять его теодицею.

Библиография:

Витгенштейн Л. Лекции по этике / Витгенштейн. Дневники 1914-1916гг. Пер. с нем. А.Ф. Грязнова М.: Канон. 2018. С.332-346

Витгенштейн Л., Дневники 1914-1916гг. Пер. с нем. В.А. Суровцева. М.: Канон. 2018. С.3-73

Витгенштейн Л., Логико-философский трактат / Витгенштейн. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994.

Данько С.В. Парадоксы «Лекции об этике» Л. Витгенштейна//Вопросы философии, 2018, №9. С.186-196

Достоевский Ф.М. Собр. Соч. в 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990

Друри М. Разговоры с Витгенштейном / Пер. В. Руднева // Логос. 1999, № 1. С. 131—150

Казаков К.В. Воззрения Л. Витгенштейна и Ф.М. Достоевского: позиции корреляции // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2020, №33, С. 120-129

Орвин Д. «Мир как целое» Страхова: недостающее звено между Достоевским и Толстым/Страхов Н.Н.:pro et contra. Антология/под ред. С.М. Климовой. СПб: РХГА, 2020. С. 614-633

Руднев В.П. Божественный Людвиг. Витгенштейн: Формы жизни / изд. В. Ананшвили. М.: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», 2002. 256с.

Сокулер З.А. Лекции по философии Витгенштейна// <https://www.hse.ru/data/281/347/1234.pdf>

Федяева Т.А. Витгенштейн и Россия. СПб.: Изд-во писателей “Дума”, 2009. 239с.

Фокин В. Три голоса из подполья: Витгенштейн, Бахтин, Достоевский (рецензия на кн.: Raïd L. Le Souterrain: Wittgenstein, Bakhtine, Dostoïevski. Paris, 2017) //

https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/162_nlo_2_2020/article/22105/

Davison R. M. Wittgenstein and Tolstoy // Wittgenstein and His Impact on Contemporary Thought / Ed. by E. Leinfellner and cet. Vienna: Hölder, Pichler, Tempsky, 1978. P. 50–53

Pickford H.W. Thinking with Tolstoy and Wittgenstein. Northwestern University Press. Published 2016. 228p.

Dostoevsky and Wittgenstein:
“From the logic toward the World”

The article is devoted to the consideration some ideas of Wittgenstein in correlation with some ideas of Dostoevsky. The comparison is made on a number of key themes for both: the world as the whole and what it is; the image of the world and the meaning of life; the world of the happy and the unhappy. Despite the fundamental difference, the comparison allows us to discover in Wittgenstein an affinity with Dostoyevsky's worldview of values. The analysis of the "Logical-Philosophical Treatise" and the philosopher's "Diaries" in comparison with the analysis of the writer's fiction texts, allows us to better understand both, to discover those religious-spiritual grounds which they both hide and reveal to the thoughtful reader behind the "boundary and logic of the world", which one suggests to be silent about, while the other hides and demonstrates only through the opposite form of false Christianity. The comparison allows us to see that, for Wittgenstein, making sense of the world as the meaning of life is not as silent as he himself claims. At the same time, it was the philosopher's language of description that allowed us to discover Dostoevsky's theodicy within the rational world, visibly crucifying Christ but tacitly living it.

Keywords: Dostoevsky, Wittgenstein, facts, logic, silence, transcendental ethics

Svetlana M. Klimova – Dr.Sci. in Philosophy, Professor; sklimova@hse.ru
HSE University. Staraya Basmanaya Str., 21/4, Moscow, 105066, Russian Federation